

Как я стал писателем — эпизод 1 из 6

Вышло это так просто и неторжественно, что я и не заметил. Можно сказать, вышло это непредумышленно.

Теперь, когда это вышло на самом деле, кажется мне порой, что я не делался писателем, а будто всегда им был, только — писателем «без печати».

Помнится, нянька, бывало, говорила:

— И с чего ты такая балаболка? Мелет-мелет невесть чего... как только язык у тебя не устает, балаболка!..

Живы во мне доныне картинки детства, обрывки, миги. Вспомнится вдруг игрушка, кубик с ободранной картинкой, складная азбучка, с буквой, похожей на топорик или жука, солнечный луч на стенке, дрожащий зайчиком... Ветка живой березки, выросшей вдруг в кроватке, у образка, — зеленой такой, чудесной. Краска на дудочке из жести, расписанной ярко розами, запах и вкус ее, смешанный с вкусом кровки от расцарапанной острым краем губки, черные тараканы на полу, собравшиеся залезть ко мне, запах кастрюльки с кашкой... Боженька в уголке, с лампадкой, лепет непонимаемой молитвы, в которой светится «Деворадуйся»... Обрывок няниной песенки —

Туру-ногу пишет,
На золотом блюде,
Селебреном стуле,
Яво жена Марья
Сына породила,
Царя Кистинки-на...

И страх и радость. Черная кочерга у печки — бабы-яги нога. Постоит — да вдруг и поведет по полу со звоном.

Сидит баба-да-яга,
У ей костяна нога,
У ей ращены рога,
Железная пятка,
А ж..а-то мягка...
Пошел котик во лясок,
Нашел котик поясок...

Я говорил с игрушками — живыми, с чурбачками и стружками, которые пахли «лесом», — чем-то чудесно-страшным, в котором «волки». Что это — «лес»? Не знаю. А — «волки»... Страшное.

Он зубами — ляс-ляс,
А хвостищем — тряс-тряс...

А «лес»... —

Во Ягоровом лясу
Лиса лычки драла,
Лиса лапотки пляла...
Петушки, ня пойте,
Во-лки, ня войте,
Дите успокойте...

Но и «волки» и «лес» — чудесные. Они у меня — мои.

Я говорил с белыми звонкими досками, — горы их были на дворе, с зубастыми, как страшные «звери», пилами, с блиставшими в треске топорами, которые грызли бревна. На дворе были плотники и доски. Живые, большие плотники, с лохматыми головами, и тоже живые доски. Все казалось живым, моим.

Живая была метла, — бегала по двору за пылью, мерзла в снегу и даже плакала. И половая щетка была живая, похожая на кота на палке. Стояла в углу — «наказана». Я утешал ее, гладил ее волосики.

Все казалось живым, все мне рассказывало сказки, — о, какие чудесные! Буравчик, похожий на червячка, был добрый: он высверливал дырки-глазки, чтобы доски могли глядеть. И они глядели, и я через них глядел, в светлую дырочку, на небо.

— А ты гляди, покажу-то тебе что... — говорит мне плотник и ставит тонкую доску, с сучочками. — На сучочки-то погляди, на солнышко! Кровь-то у ней как ходит! Кровь-смола в ней, красная-то какая, как вишенка...

Я смотрю на сучочки, и светится все, как кровь. Живые доски!.. Все напевало песни: и белые бревна, в капельках — в горьких слезках, и тоненькие стружки, падавшие с досок колечками, и звонкие зубчики пилы. Песни-то распевали плотники, — всякий знает, — а мне казалось, — и так хотелось! — что это поет рубанок. Рубанок имел язык, синенький язычок из щелки, лизавший доски, гладивший их до лоска. Гладил — и пел, и пел.

А что говорить о саде, где глухие углы, сырые, заросшие лопухами и крапивой, казались страной чудесной. Там у меня был «лес», в котором водились «волки», — белые чурбачки. Бывало, лежишь под лопушками, под крапивой. Через них — светло, зелено, если глядеть на небо. Зелень такая сочная, живая. И на этом «небе», на этом живом небе, плавает большая птица, с желтыми крыльями — залетевшая бабочка. И еще птички, красные: мелкие бабочки в крапиве. И неотрывно смотришь, как царапается-ползет тяжелая, похожая на ягодку-рябинку, поменьше только, божья коровка — для меня настоящая коровка, ползет по «небу». А «волки», белые чурбачки, пасутся. И вот помню испуг и счастье: пришла коса! Добрый, лохматый плотник встал надо мной, над «лесом»...

— А ну-ка, выбирайся... а то порежу, острая у меня коса! — страшно сказал он мне, взмахивая косой над «небом».

Я закричал, заплакал. А он показал мне зубы и поманил:

— А ты гляди-ка, какая штука!

И достал из кармана дудочку — поиграть. Но я не умел играть. Дудочка была белая, в кружочках, в дырочках. Он повертел ее, заиграл пальцами по дыркам, и дудочка запела. Плотник присел ко мне и играл долго-долго. И пел знакомую песенку, которую пел и я:

Ды-я поеду на родину,
На родине дуб стоит,
На дубу сова сидит,
Сова-то мне те-о-ща,
Воробушек шу-у-рин,
Глазыньки прищу-у-рил...

— Валяй и ты про сову, — сказал он ласково и дал мне дудочку поиграть, — валяй дуй!